

Христiанскій взглядъ на нравственное зло.*)

Не много требуется вниманiя для того, чтобы замѣтить существованiе въ мiрѣ нравственнаго зла, присутствiе стихiи пестроенiя и раздвоенiя тамъ, гдѣ есть неотразимое требованiе гармонiи и единства и постоянное стремленiе съ необыкновенною силою осуществить это требованiе. Пропосится ли предъ нашимъ духомъ вся исторiя человѣческаго рода въ великомъ и маломъ, всюду видимъ мы эту стихiю. Мы не можемъ сокрыть ее даже отъ самихъ себя, если обратимся внутрь себя: она, какъ почная тѣнь омрачаетъ всѣ отношенiя человѣческой жизни и силится совсѣмъ поглотить свѣтлую и прозрачную область ея.

Въ жазни человѣка много бываетъ пестроенiй. Болѣзненны и разрушительны для него дѣйствiя зла физическаго, но онъ никогда не ставитъ его въ вину самому себѣ; въ области его духовной природы бываетъ также не мало разительныхъ недостатковъ, препятствующихъ его развитiю, но онъ не упрекаетъ въ нихъ самого себя. Только по совершенiи нравственнаго зла онъ непосредственно сознаетъ, что для него нѣтъ въ немъ извиненiя, сознаетъ, что оно есть плодъ его необузданнаго произвола. Сила ума постигаетъ трудныя условiя бытiя и миритъ ихъ съ порядкомъ его жизни,—одно это зло

*) Статья эта написана по взгляду ученаго и основательнаго сочиненiя »Die Christliche Lehre von der Sunde«.—Юлиа Мюллера

уму кажется противорѣчающимъ, чуждымъ нашему существу, что не только не можетъ помириться ни съ какимъ порядкомъ, но что разрушаетъ и растроиваетъ всякій порядокъ.

И представьте, что добро, отъ котораго такъ рѣзко отличается зло, не есть всеобщее преобладающее явленіе въ человѣческомъ родѣ. Напротивъ, зло сраслось съ нашимъ существомъ и дѣйствуетъ въ насъ съ силою на ряду съ добромъ—и при всемъ томъ, въ глубокихъ вздохахъ отъ тягостнаго вліянія этого зла, изъ груди человѣка слышится сознаніе того, что, хотя онъ и не въ силахъ уничтожить его, однакоже всегда смотрѣлъ и смотритъ на него какъ на нѣчто превратное, и извращенное, противное назначенію жизни.

Дѣйствительность нравственнаго зла, какъ фактическаго, неразумнаго и отвратительнаго явленія, ясно видѣли еще древніе и для объясненія его признавали или два борющіяся начала въ мірѣ, или самую матерію считали источникомъ зла. Да и новѣйшіе мыслители, вѣрующіе въ разумность и необходимость этого явленія для порядка міровой жизни,—на опытѣ противники своихъ теорій; нравственное зло возбуждаетъ въ нихъ совсѣмъ другое ощущеніе, чѣмъ одно сознаніе ограниченій и условій, связанныхъ съ нашимъ бытіемъ; они сами вынуждаются придавать ему иное значеніе, чѣмъ естественнымъ явленіямъ несовершенства природы. Дѣйствительность, такъ сказать, даетъ имъ знать, что она не уважаетъ ихъ теорій и беспощадно мститъ имъ за ихъ самообольщеніе и ложныя показанія.

Мы не думаемъ разбирать и опровергать мнѣнія древнихъ и новыхъ ученыхъ относительно нравственнаго зла. Наша задача скромнѣе. Указавши на фактическое существованіе этого явленія—мы хотимъ безъ схоластическихъ дѣленій и подраздѣленій, въ живой связи мыслей изложить христіанскій взглядъ на нравственное зло такъ, чтобы можно было видѣть глубокое значеніе христіанскаго ученія объ этомъ предметѣ.

Основного момента нравственного зла, какъ и добра, слѣдуетъ искать во внутреннихъ отношеніяхъ нашей личности къ Богу. Если справедлива мысль Лейбница, что Богъ есть первоначальный и непосредственный предметъ нашего знанія, то неоспоримо и то, что Онъ же есть единственный и непосредственный предметъ всѣхъ нашихъ заботъ, внутреннѣйшее основаніе всѣхъ нашихъ обязанностей. Вѣра въ Бога и совѣсть, предшествующія нашему сознанію и самоопредѣленію — какъ общія посылки — частнымъ, находятся въ такомъ же внутреннемъ взаимодействіи и такой же тѣснѣйшей связи между собою, какъ и эти основные моменты человѣческой личности.

Всякій разъ какъ возбуждается въ насъ мысль о Богѣ, непосредственно ощущается и благочестивое чувство въ совѣсти, и наоборотъ всякое повелительное внушеніе совѣсти вызываетъ въ насъ мысль о Богѣ. Напротивъ кто не вѣруетъ въ Бога и вѣру въ Него считаетъ иллюзіей, самообольщеніемъ, тому и нравственный законъ скоро начинаетъ казаться порожденіемъ своенравныхъ органиченій, не для всѣхъ и не всегда обязательнымъ. Вѣковая истина, что порча или потеря религіи въ народѣ всегда связана въ немъ съ глубочайшимъ упадкомъ нравственной жизни и никто не можетъ заглушить голоса своей совѣсти, не превращая своего религіознаго сознанія въ невѣріе или суетвѣріе.

Первое, въ чемъ человѣкъ сознаетъ внутреннее единство нравственного и религіознаго, это то, что онъ Бога признаетъ виновникомъ нравственного закона, а нравственный законъ порядкомъ, въ какомъ человѣческая жизнь должна выполнять свое Божественное назначеніе. Всякій нравственный долгъ есть долгъ по отношенію къ Богу; всякое преступленіе совѣсти есть возмущеніе противъ Бога. Духъ нашъ чувствуетъ себя оскорбленнымъ въ самомъ существѣ своемъ, какъ скоро не почитается воля Божія.

*

По христіанскому откровенію стущность нравственнаго закона и основная стихія добра есть любовь,—ибо *Богъ любви есть*, и никто не благу безусловно, какъ только одинъ Богъ, (1 Іоан. 4, 16. Матѣ. 19, 17), ибо «*Онъ есть любовь по существу и самое существо любви*». (1) »Человѣкъ бываетъ добръ настолько, насколько бываетъ подобенъ Ему въ любви. Богъ, даровавшій намъ бытіе въ формѣ Богоподобнаго духа, явилъ намъ Себя, какъ личную любовь, *да обрящемъ и осяземъ Его*, (Дѣян. 17, 27), чтобы мы взаимно отъ глубины духа любили Его и свободно служили Ему въ правдѣ и преподобіи истины (Еф. 4, 24). Сила и энергія нашего внутренняго влеченія къ Нему, какъ безусловному добру, опредѣляютъ степень нравственного совершенства.

Зло есть противоположность добра. Въ комъ оскудѣваетъ благодать любви и изсякаетъ этотъ источникъ чистой, неподдѣльной нравственности, въ томъ потухаетъ огонь Божественной жизни, меркнетъ животворное начало духа, тотъ отдѣляется отъ Бога и дѣлается злымъ. Грѣхъ или зло есть радикальная порча человѣческаго сердца, которое вмѣсто влеченія къ безусловному добру обнаруживаетъ плотское нечистое мудрованіе, вражду на Бога (Римл. 8, 7.). Какъ противоположность любви, онъ имѣетъ двойной,—отрицательный и положительный, или мертвый и дѣятельный характеръ. Грѣхъ мертвъ потому, что онъ состоитъ въ недостаткѣ святой любви къ Богу, которою не бывають проникнуты и освящены ни сердце грѣшника, ни его душа, ни его духъ; сердцу не достаетъ чистоты и святой полноты чувства, воли высоты и широты стремленій, разуму, который уклонился отъ Бога,—религіознаго свѣта и истины; ибо не любяи не позна Бога, яко Богъ любви есть (1 Іоан. 4, 8). Что эта внутренняя мертвен-

1) Слово выговорилось. Филарета митрополита московскаго— на величій Натокъ

ность и пустота человѣка не отъ Бога происходитъ, Который создалъ его по своему образу, и что она противна Божественному назначенію его—пребывать въ любви, и что поэтому такая скудость жизни во Святомъ Духѣ, есть грѣхъ или зло, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Она обнаруживаетъ свой злой характеръ въ томъ, что служитъ злымъ корнемъ всякой духовной лѣности, равнодушія, разслабленія, и усыпленія, и бываетъ причиною, если не положительною (*in actu*), то отрицательною (*non actu*) безчисленнаго множества грѣховъ опущенія.

Но грѣшникъ не остается только при этой пустотѣ грѣха: ибо сердце его не терпитъ пустоты. Напротивъ, гдѣ изгнана любовь, тамъ тотчасъ же выступаетъ и ея положительная противоположность—самолюбіе. И это-то дѣйствующее самолюбіе наполняетъ и сердце и душу и духъ грѣшника, и въ этомъ-то состоитъ вторая дѣятельная сторона грѣха.

Существо любви состоитъ въ самоотверженіи; тогда какъ существо грѣха есть самолюбіе. Истинно-христіанская любовь имѣетъ мѣсто только въ свободной личности; она предполагаетъ сознаніе собственности своего бытія, разумности и свободы своего лица. Но какъ человѣческая личность сознается по той мѣрѣ, какъ предполагаетъ другую собственную личность, и достигаетъ полнаго своего развитія тогда, какъ въ образѣ собственного бытія представляетъ свои отношенія къ существу безусловному, то естественно, съ самыхъ раннихъ поръ человеческое сердце стремится къ другой подобной же личности, чтобы возчувствовать въ ней полноту своего бытія,—ищетъ личнаго Бога, чтобы въ Немъ найти цѣль и конецъ своей жизни и своихъ стремленій. Истинно-христіанская любовь далека отъ того, чтобы служить своимъ собственнымъ цѣлямъ; ибо она не ищетъ своихъ (1 Кор. 13, 5); не въ себѣ, не для себя, не ради своихъ стремленій и желаній, но ради возлюбленнаго и

въ возлюбленномъ она хочетъ жить и живетъ; въ Богѣ, своемъ Владыкѣ живетъ, движется и существуетъ любящая душа; не себѣ, но Ему она старается угождать; не мира съ самой собою, но мира съ Богомъ она стремится достигнуть; она хочетъ принадлежать Господу, а не сама для себя быть господиномъ, и любя ближняго, она служить ему по волѣ своего Господа. Такое самоотрицаніе любви не есть однако же лищеніе, потеря своей личности. Напротивъ въ предметѣ любви душа находитъ полноту своего бытія; въ Богѣ, по образу котораго она создана, находитъ душа себя саму и свое блаженство, если не имѣетъ подлѣ Него иныхъ боговъ; кто любитъ и почитаетъ родителей и господъ, тотъ созидаетъ, по смыслу пятой заповѣди, собственное свое счастье, и кто любитъ свою жену, любитъ себя самого (Ефес. 5; 28, 33), и вообще это самое нужно сказать о всей любви къ ближнему; между тѣмъ, какъ никто не скажетъ наоборотъ, именно, что кто любитъ самъ себя, тотъ любитъ своихъ ближнихъ. Какъ скоро человѣкъ, изолируя свою любовь, обращаетъ ее исключительно на себя самого, онъ перестаетъ любить; какъ собственная похвала себѣ самому не есть похвала, такъ и собственная любовь къ себѣ, къ своей самости, не есть любовь, а скорѣе отрицаніе ея; которое можетъ быть названо любовію на столько же, на сколько можетъ быть названъ свѣтомъ тотъ свѣтъ, какой происходитъ отъ темнаго тѣла; такая любовь есть только проявленіе животной жизни, только животная потребность самосохраненія, и въ своемъ отрѣшеніи отъ любви къ Богу и ближнему становится грѣховнымъ самолюбіемъ. Слово Божіе нигдѣ не заповѣдуетъ любви, относящейся исключительно только къ себѣ самому, и не даетъ ни одной заповѣди, которая бы опредѣляла подобнаго рода обязанности; напротивъ первою обязанностію послѣдователя Христова оно поставляетъ самоотверженіе (Мѣ. 16, 24 и др.). И въ самоотверженіи не уничтожается любовь къ себѣ самому; но

только здѣсь она всегда бываетъ проникнута любовію къ Богу и ближнему, имъ бываетъ подчинена и чрезъ нихъ освящается. Любя Бога, человекъ любить въ Богѣ себя самого, свою высочайшую самость,--- отображеніе Божественнаго первообраза; и эта любовь къ Богу доставляетъ ему истинное блаженство, между тѣмъ какъ, если онъ любитъ себя вѣдъ Бога, воздвигаетъ погибель на свою душу. Зановѣдъ: *возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе*, указываетъ намъ предметъ нашей любви не въ насъ самихъ, а въ нашихъ ближнихъ и заповодуетъ намъ въ нихъ искать себя самихъ и видѣть какъ бы другое наше собственное —я, чрезъ что они перестаютъ быть для насъ далекими и становятся нашими ближними. Поэтому-то и Спаситель на вопросъ епископа: *кто есть мой ближній*—отвѣчаетъ не на то, кто есть его ближній, а на то, кому онъ долженъ быть ближнимъ (Лук. 10, 29, 36). И такъ не эгоизмъ (себялюбіе), но туизмъ (тебялюбіе) составляетъ предметъ любви: это значитъ, что мы должны прежде любить ближнихъ и находить въ нихъ другое наше я, самихъ себя, входить съ ними во внутреннѣйшее общеніе, какъ съ братьями, чадами единого Отца, членами единой любви, и при томъ любить ихъ ради Бога и въ Богѣ. При этомъ только, инстинктивное, произвольное, естественное соединеніе людей въ общества въ состояніи будетъ развиваться въ истинно-человѣческую, духовную, свободно-общественную жизнь, которая является въ силѣ любви къ Богу, совмѣщающей въ себѣ всякую другую чистую любовь, рождающей изъ себя и утверждающей всякое благо и счастье. Гдѣ исчезаетъ любовь, тамъ гибнетъ и общеніе и свобода и воцаряется дѣятельное самолюбіе, или эгоизмъ, какъ начало душевной дѣятельности.

Дѣйствующее самолюбіе, заступающее въ душѣ грѣшника мѣсто любви, само по себѣ однако же, подобно любви, не есть дѣло или дѣйствіе (*opus, actus*), но состояніе или качество, ко-

торое столько же противорѣчитъ первообразу человѣческой природы, сколько любовь ему соотвѣтствуетъ. По причинѣ этого противорѣчія, этой ненормальности, такое состояніе и есть грѣхъ, и при томъ *живущій* грѣхъ или грѣховность (Римл. 7, 17. 20). Дѣятельно же это состояніе потому, что изъ него какъ изъ источника истекають всѣ грѣховныя дѣйствія, уклоненія и преступленія закона Божія въ всемъ ихъ многообразіи. Какъ нечистая, извращенная воля, оно имѣетъ вліяніе и на всѣ дѣйствія воли или желанія, такъ что хотя бы они были и произвольны по своимъ предметамъ, хотя бы они были и позволительны, всегда однако же носятъ на себѣ характеръ самолюбія; подобно тому, какъ больной, хотя и можетъ дѣлать разныя дѣла, однако же все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ худо. Впрочемъ, не только въ своихъ актуальныхъ обнаруженіяхъ, въ своихъ дѣятельныхъ явленіяхъ или въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ бываетъ многообразенъ живущій грѣхъ; онъ таковъ же и въ своихъ внутреннихъ дѣйствующихъ стремленіяхъ, которыя плодятся и разнообразятся смотря потому, съ какими естественными свойствами человѣка онъ будетъ соединять свою грѣховность. Извѣстно, что не только человѣческая натура вообще, но и ея частныя, индивидуальныя различія, которыя органически могутъ соединяться между собою только въ любви, суть—дѣло Божіе, какъ показываетъ уже самое созданіе мужа и жены и происходящее отсюда различіе между родителями и дѣтьми, большими и малыми. Сюда же относятся и различія между природными дарованіями, силами и склонностями, по которымъ одинъ бываетъ способенъ болѣе къ самостоятельной, властительной и открытой жизни, а другой къ послушной, услужливой и тихой дѣятельности, равно какъ и различія темпераментовъ и характеровъ, которыя всѣ должны быть взаимно уравновѣшиваемы въ общественной жизни. Теперь, какъ любовію, симъ союзомъ совершенствъ, эти естественныя различія ни возвышаются на

счесть другъ друга, ни разъединяются другъ съ другомъ, но все вмѣстѣ объединяются и входятъ въ самое счастливое сочетаніе, такъ въ самолюбіи наоборотъ, они все расходятся между собою врознь: одни безъ мѣры возвышаются надъ другими, другія безъ мѣры подавляются, и все вмѣстѣ истощаются въ жалкой борьбѣ. Тогда естественныя склонности становятся пагубными страстями: мужеской характеръ — грубымъ, женскій — женственнымъ, дѣтскій — ребячьимъ; тампераментъ твердый — упорнымъ, теплый — горячимъ, мягкій — слабымъ, спокойный — лѣнивымъ; высокое становится высокомернымъ, униженное — низкимъ; большая сила свирѣпствуетъ, а малая предается трусости. Въ основаніи всехъ этихъ разнородныхъ настроеній лежитъ самолюбіе; ибо во всехъ этихъ уклоненіяхъ отъ указаннаго Богомъ нормальнаго положенія, человѣческая натура тяготеетъ только къ самой себѣ, ищетъ только *своихъ си*. Даже и въ самымъ естественнымъ, насажденнымъ въ душѣ отъ Бога, возбужденіямъ любви родительской и братской, любви къ семенству и родимъ примѣшивается иногда самолюбіе, которое чѣмъ болѣе любитъ свое и своихъ, тѣмъ болѣе ненавидитъ все, представляющееся ему за этими своими предѣлами.

Вся сфера человѣческаго бытія, во всехъ его силахъ и дѣйствіяхъ, можетъ быть проникнута самолюбіемъ; но средоточнымъ его пунктомъ всегда остается внутреннѣйшее начало души, наша самость, наше я. Главное сѣдалище грѣха есть именно душа, именно это сознающее себя начало духовной жизни. Истинный христианинъ необходимо долженъ думать такъ, вопреки тому, широко-распространившемуся манихейскому мифу, которое грѣховность относитъ главнымъ образомъ къ тѣлесной сторонѣ человѣка, или плотской чувственности, а праведность приписываетъ исключительно духовной природѣ и такимъ образомъ праведную противоположность между добромъ и зломъ приравниваетъ физической и даетъ право душѣ извин-

няться и оправдываться на счетъ тѣла. Грѣхъ, по своему понятію и существу долженъ быть, такъ сказать, домашнимъ тамъ же, гдѣ и праведность; если же теперь праведность, какъ истинная любовь, какъ изліяніе Духа истины и любви, имѣетъ мѣсто въ высшихъ силахъ духа: въ разумѣ, сердцѣ и волѣ, то, очевидно, и грѣхъ долженъ обитать тамъ же. Ибо, какъ отсутствіе любви, грѣхъ составляетъ недостатокъ именно въ тѣхъ силахъ духа, которыя бы должны были быть ею исполнены, а какъ самолюбивое стремленіе, онъ состоитъ въ томъ, что, уклонившись отъ средоточнаго пункта въ Богѣ, поставляетъ центромъ бытія сегого себя, свой собственный человѣческій духъ. Поэтому, въ духѣ— онъ обнаруживается какъ духовная тьма, въ разумѣ—какъ ложное мудрованіе и самообоженіе, въ разсудкѣ—какъ ложь и невѣріе, въ волѣ— какъ корыстное стремленіе, въ сердцѣ—какъ склонность угождать себѣ и нравиться. Такое духовное самолюбіе принимаетъ на себя иногда видъ служенія ангеламъ (Кол. 2, 18) и соединяется съ подавленіемъ и умерщвленіемъ чувственности; но чѣмъ болѣе возвышается оно въ такой самодѣльной праведности, тѣмъ болѣе становится противнымъ духу христіанства; ибо духовные грѣхи гораздо глубже чувственныхъ бываютъ завиты въ природу нашей души, и гораздо труднѣе ихъ могутъ быть искоренены, обнаружены и поспрамлены. Такихъ своенравныхъ аскетовъ апостолъ называетъ *надмѣнными отъ ума плоти* (Кол. 2, 18), откуда довольно ясно вытекаетъ, что библейское выраженіе—плоть ни мало не-соотвѣтствуетъ нынѣшнему—чувственность. Гораздо скорѣе нужно разумѣть подъ словомъ плоть, гдѣ оно употреблено въ противоположность духу (Гал. 5, 17), всю земную, грѣховную природу человѣка, къ которой относятся не только тѣло, но и душа, и разумъ, и воля, какъ скоро онѣ, уклонившись отъ Бога и отчуждившись отъ Св. Духа, предаются служенію твари,—будетъ ли то предметъ міра внутренняго, или предметъ міра

ви́шняго (Кол. 2, 3), И на оборотъ, понятіе духа писаніе прилагаетъ не только къ душѣ, но и ко всему человѣку, коль скоро Духъ Св. освятилъ вмѣстѣ и его душу и его тѣло, и хотя сіи послѣдніе не духовны, однако же должны быть духовны, такъ, что писаніе говоритъ и о духовномъ тѣлѣ точно также, какъ о плотской душѣ (1 Кор. 15, 44; 6, 19). Подъ плодами плоти апостолъ упоминаетъ (въ посланіи къ Гал. 5, 20) такіе, которые относятся къ душѣ, напр. идолослуженіе, а подъ плодами духа такіе, которые относятся къ тѣлу, наприм. воздержаніе (цѣломудріе). Словомъ, выраженія—плоть и духъ, представляющія человѣка въ двухъ противоположныхъ отношеніяхъ, имѣютъ всегда нравственное значеніе, тогда какъ противоположность между тѣломъ и душою есть чисто физическая; тѣ суть только отвлеченныя понятія, выражающія конкретную противоположность между естественнымъ и духовнымъ человѣкомъ (1 Кор. 2, 14. 15) или вѣтхою и новою тварію (Еф. 4, 22—24; Кол. 3, 9 и др.), а эти не болѣе, какъ представленія, реально соотвѣтствующія двумъ дѣйствительнымъ, противоположнымъ между собою сущностямъ души и тѣла; и потому ни здѣсь ни тамъ не слѣдуетъ разумѣть исключительно какія либо однѣ—вышнія или низшія части природы человѣческой, а должно разумѣть всего человѣка въ совокупности, поколику онъ служитъ или закону Божію, или грѣху. *Не оправдится всяка плоть* предъ Богомъ, говоритъ апостолъ, т. е. не оправдится ни одинъ человѣкъ, ни одна душа; словомъ—предъ Богомъ не можетъ похвалиться весь человѣкъ, а не одна только чувственная натура; ибо *весь міръ*, говоритъ тотъ же апостолъ, а отнюдь не одинъ матеріальный, *повиненъ Богови* (Рим. 3, 19). И такъ грѣхъ есть нравственное разстройство, существенно-духовное обнаруженіе.

Главнѣйшая форма самолюбія есть *честолюбіе*, которое постепенно можетъ восходить отъ свѣтскаго тщеславія и не-

большаго самоулаженія до духовной гордости и высокомерной самодостаточности. Оно есть именно та форма грѣховнаго самолюбія, которая непосредственно относится къ нашему я, къ личности человѣка, въ собственномъ смыслѣ къ духовной его природѣ. Въ честолюбіи наше я, наше лицо произвольно возвышается предъ Богомъ и людьми и представляетъ себя въ своихъ мысляхъ и стремленіяхъ единственнымъ центромъ какъ себя самого, такъ и всѣхъ другихъ людей. Внутреннее начало личности, или наша духовная самость, есть средоточіе человѣческаго бытія, и ей также естественно, какъ и планетамъ, обращеніе во кругъ себя самой; подобно имъ, ей по природѣ павначено также двигаться и вокругъ средоточнаго пункта—солнца, и свѣтитъ не своимъ, а отъ него заимствованнымъ свѣтомъ. Но честолюбивый эгоизмъ стремится выйти изъ этого служебнаго положенія, которое указано отъ Бога каждой твари и даже высочайшимъ духамъ (Евр. 1, 12), и твердое стояніе въ которомъ составляетъ истинную ихъ честь (Іуд. 6); онъ хочетъ быть не служебнымъ спутникомъ, но неподвижнымъ солнцемъ, которое свѣтитъ собственнымъ свѣтомъ и обращается только вокругъ себя самого; онъ хочетъ имѣть въ самомъ себѣ и свѣтъ и жизнь, и мудрость и праведность, хочетъ самому себѣ присвоить ту честь, которая подобаетъ Богу и о самомъ себѣ сказать то, что прилично Ему Единому: *Азъ есмь Господь*. Словомъ, это самообоженіе, это стремленіе быть богомъ въ маломъ или великомъ, есть существеннѣйшее стремленіе честолюбиваго грѣха, въ извѣстномъ отношеніи сознательное, а въ другомъ безсознательное (Быт. 3, 5. см. 2 Солун. 2, 4); это есть первый грѣхъ противъ первой заповѣди и объ немъ то сказано: *еже есть въ чловѣцѣхъ высоко, мерзость есть предъ Богомъ* (Лук. 16, 15). Это превозносящееся честолюбіе и самолюбіе чувствуетъ себя обольщеннымъ, если не удовлетвореннымъ тамъ, гдѣ его ласкаютъ и ублажаютъ, на-

противъ, гдѣ оно встрѣчаетъ сопротивленіе себѣ и подрывъ своего авторитета, оно рождаетъ изъ себя всѣ эти дьявольскіе грѣхи *вражды, рвенія, завиды, ярости, разженія, распри, соблазны, ереси, зависти, убійства* и пр. (Гал. 5, 20, 21). Кто размышляетъ о томъ, какими неодолимыми силами движеть и располагаетъ въ мірѣ грѣхъ, тотъ знаетъ, какъ несправедливо считать грѣхи слабостію человѣка, а добродѣтель приписывать его брѣности, и такимъ образомъ поставлять между ними только одно степенное различіе. Самолюбіе не ослабляетъ естественныхъ силъ человѣка; оно даетъ имъ только ложное, превратное направленіе, и въ этомъ направленіи можетъ дѣйствовать съ необычайнымъ упорствомъ и гигантскою силою.

Превозносящееся самолюбіе обнаруживается иногда въ гордомъ презрѣніи къ міру и стоическомъ самозаключеніи внутри себя самаго; но иногда оно выходитъ изъ себя и стремится къ разширенію своей власти, своего *стяжанія* и обладанія. Самолюбіе втораго рода, неудовлетворяясь бѣдною пустою своею самости, персходитъ отъ внутренняго міра своей души къ ви́шнему міру вещей и предметовъ, и въ своемъ корыстномъ стремленіи усиливается пріобрѣтать ихъ въ свою собственность и быть обладателемъ ихъ. Само по себѣ стяжаніе и обладаніе данною отъ Бога собственностію не есть грѣхъ; это скорѣе—земное призваніе человѣка; но оно извращается и дѣлается преступнымъ въ слѣдствіе корыстнаго стремленія къ собственности, въ слѣдствіе самолюбивой склонности къ тому, что запрещено Богомъ и изъ чего возникаетъ *любостяжательность* и корыстолюбіе,—такія страсти, подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ любитъ міръ нече Бога (1 Іоан, 2, 15) и не столько обладаетъ своими благами, сколько самъ обладаетъ отъ нихъ и подчиняется имъ. Грѣхи этого рода, начиная отъ страстнаго стремленія къ стяжанію—до обыкновенной скуности, принимаютъ разнородныя формы, которыя постепенно разнообразятся

смотря по различію соблазнительныхъ и обольстительныхъ предметовъ. Гдѣ напр. преобладаетъ стремленіе къ вещному и положительному, тамъ является страсть къ деньгамъ, къ чреву и проч., которая можетъ пересиливать страсть честолюбія и даже становится въ противорѣчій ей. Это бываетъ напр. съ мелочною и грязною скупостію, которую честолюбіе старается даже обуздывать, ни мало однако же не исправляя ее, ибо здѣсь только одна форма самолюбія стремится преобладать надъ другою, что вполне соотвѣствуетъ его дисгармоничному характеру, обнаруживающемуся въ борьбѣ съ самимъ собою. Въ сущестѣ же дѣла всякая жадность,—будетъ ли то жадность къ деньгамъ или жадность къ почестямъ,—есть произведеніе одного и того же самолюбія и корень всякаго зла. При своей ненасытности, которая чѣмъ больше имѣетъ, тѣмъ больше желаетъ, ибо въ своемъ самообольщеніи она никогда не находитъ того, чего ищетъ, алчность къ стяжанію борется сама съ собою, и не находя удовольствія своимъ требованіямъ, прибѣгаетъ къ самымъ гнуснымъ и грязнымъ преступленіямъ, которые готовятъ человѣку вѣчную гибель и проклятіе (Тим. 6, 9 и др).

Отъ грѣховныхъ склонностей къ стяжанію внѣшнихъ вещей и предметовъ, самолюбіе обращается къ временнымъ удовольствіямъ, и подлѣ страсти любостяжанія или и вмѣсто ся предается *сластолюбію*, которое ближе всего относится къ душѣ и тѣлу и приводитъ въ особенное настроеніе чувственную природу человѣка, возводя ся пожеланія на степенъ плотскихъ похотей, противящихся духу; такъ что въ этомъ состояніи, какъ духъ человѣка бываетъ непослушенъ Богу, такъ собственное его тѣло непослушно собственному его духу, и даже первое дѣлаетъ себѣ служебнымъ послѣднее (Римл. 6, 12). Сластолюбіе есть страсть, самолюбиво увселяющая и потѣшающая свою самость, и напротивъ уклоняющаяся отъ всего того, что ей не нравится. Поэтому оно есть извращеніе и отчужденіе

отъ радованія въ Богѣ, отъ веселія въ Господѣ, Который всегда можетъ дать и даетъ своимъ чадамъ все то, чего желаетъ ихъ доброе сердце (Пс. 37; 4). Оно усиливается иногда до такой степени, что для своего удовольвенія разточаетъ имѣніе и такимъ образомъ противождѣйствуетъ скупости, хотя и эта отнюдь не менѣе его самолюбива; оно бываетъ иногда столь грубо, низко и животно, что позорить само себя и теряетъ всякую честь; тѣмъ не менѣе однакожъ отъ честолюбія оно отличается только какъ низшая степень самолюбія отъ высшей. Оно склоняется иногда къ обоготворенію прекрасныхъ явленій въ природѣ и искусствѣ, но любить ихъ только ради самого себя, а не какъ обнаруженія божественной любви и владычества (Прем. 13, 3 др.). (смотря поразличію натуръ и характеровъ, оно является или дѣятельнымъ въ формѣ намѣреннаго самовозбужденія, нарочнаго увеселенія, изысканнаго удовольствія,—или страдательнымъ—въ формѣ лѣнивой нѣги, сладострастнаго самозабвенія и пр. Отъ самыхъ утонченныхъ духовныхъ удовольствій, болѣе или менѣе очищенныхъ, оно можетъ нисходить до самыхъ грубыхъ, животныхъ дѣлъ плоти, которыя перечисляетъ Апостолъ въ посл. къ Гал. 5 гл. 19 и 21 ст.—Изъ этихъ указанныхъ нами трехъ главныхъ формъ самолюбиваго грѣха—*сластолюбіе* соотвѣтствуетъ *похоти плоти*, *любостыжаніе*—*похоти очесъ*, *честолюбіе*—*гордости житейской* (Іоан. 2, 16). Этимъ же тремъ похотямъ соотвѣтствуютъ и искушенія нашего Спасителя отъ діавола, столь словно препобѣжденные Имъ въ противоположность первому Адаму, увлекшемуся тройною обольстительною ихъ силою.

Такъ многообразенъ *живущій* грѣхъ въ своихъ главныхъ формахъ! Но эти формы, по различію натуръ и характеровъ, по ихъ спеціальнымъ и индивидуальнымъ условіямъ, снова разнообразятся, и выступаютъ въ міръ въ самомъ разнообразномъ смѣшеніи и переплетеніи между собою, дѣйствуя или положи-

тельно или отрицательно на безчисленное множество частных, *актуальных* грѣховъ. Эти частные, актуальные грѣхи, или грѣховныя дѣйствія относятся къ живущему (постыжному грѣху, т. е. самолюбію), какъ явленія къ бытію или дѣйствія къ силѣ; однакожь, они не составляютъ произвольныхъ, необходимыхъ его произведеній, но возникаютъ изъ него какъ акты воли, которые будучи условиваемы внѣшними поводами, могутъ и явиться и не явиться, но если уже являются, то являются всегда какъ произведенія основнаго направленія души. Не внѣшній видъ этихъ частныхъ дѣйствій, который бываетъ чрезвычайно разнообразенъ и часто случаенъ и произволенъ, опредѣляетъ нравственное ихъ достоинство или недостоинство, но именно то внутреннее направленіе воли, которое стоитъ неизмѣннымъ среди измѣчивости явленій. Какъ ни разнообразны могутъ быть эти внѣшнія грѣховныя обнаруженія, однако же—и это есть научный и практическій результатъ нашего изслѣдованія—въ основаніи всѣхъ ихъ лежитъ только одно духовное злое начало, одинъ коренной грѣхъ самолюбія съ своимъ мертвымъ и дѣятельнымъ характеромъ,—и это самолюбіе есть противоположность началу всякаго добра-любви.

Въ союзѣ любви человѣкъ, хотя зависитъ отъ Бога и ближняго, однако же вмѣстѣ съ этимъ, поелику онъ чувствуетъ и сознаетъ себя единымъ съ ними, онъ бываетъ свободенъ какъ чадо дома Божія; въ самолюбіи, на оборотъ, хотя онъ и освобождаетъ себя и отъ любви къ Богу и отъ любви къ ближнему, однако же зависитъ отъ ея противоположности, плѣняется собственными страстями и похотями и дѣлается рабомъ твари, вмѣсто того, чтобы господствовать надъ нею. Такъ обманываетъ человѣка грѣхъ, показывая ему видъ свободы и между тѣмъ уготовляя рабство (Іоан. 8, 34)! Только въ любви—свобода, и только въ ней—истина, ибо только она—едино съ предметомъ познанія, въ слѣдствіе чего *нелюбви, не познаи Бога, яко Богъ любви*

есть (Іоан. 4, 8) и не любяй ближняго, во тмѣ ходить. Грѣхъ не знаетъ Бога, ибо не видитъ въ немъ источника и полноты своего бытія и блаженства, ибо не находитъ въ Немъ своей радости и своего мира, но ищетъ внѣ Бога того, что находится въ единомъ Богѣ и обращаетъ къ себѣ самому и къ твари свои мысли и стремленія. Какъ любовь отрицается сама отъ себя ради Бога, такъ самолюбіе отрицается отъ Бога ради самого себя,—если не прямо отъ Его бытія, то отъ Его истиннаго, божественнаго бытія, именно отъ Его всеосвящающей и всеублажающей любви и отъ святости Его заповѣдей. Такимъ именно обманомъ начался первый грѣхъ (Быт. 3, 4), почему о дьяволѣ и сказано, что онъ *во истинѣ не стоитъ яко ложь есть и отецъ лжи* (Іоан. 8, 44). Ненстина и ложь есть не что иное, какъ самолюбіе мысли и мнѣнія, которое (самолюбіе) не хочетъ сообразовать ихъ съ тѣмъ, что положено и открыто (съ объектомъ), но хочетъ образовать ихъ по своему субъекту, по своему вкусу и своимъ интересамъ. Богоотрицаніе ведетъ всегда къ самозаблужденію и обману, по которому субъектъ ищетъ и старается найти въ себѣ самомъ и своемъ грѣхѣ и между тѣмъ не находитъ того, что въ полной истинѣ находится только въ Богѣ, такъ что въ основаніи всякаго безбожія, самообоготворенія твари лежитъ грѣхъ противъ первой заповѣди. Справедливо поэтому сказано, что *всякій грѣхъ ложь есть*: обманчивое, мимолетное и пагубное наслажденіе, которое бываетъ сопряжено съ нимъ, свидѣлствуетъ именно объ этомъ ложномъ его характерѣ. Какъ существо праведности состоитъ въ *истинномъ* и смиренномъ Богоуподобленіи, въ стремленіи ея уподобится своему Первообразу въ любви и послушаніи, такъ существо грѣха состоитъ въ ложномъ и высокомѣрномъ Богоуподобленіи, въ его стремленіи быть независимымъ и самозаконнымъ въ своемъ самолюбіи, быть Богомъ и слѣдовать только своей собственной волѣ и мысли. Къ такому извращен-

ному Богоуподобленію возбуждаетъ духъ челоѣка древній лавій змій (Быт. 3, 5). Зло есть изнака добра, есть извращенное добро и поэтому всегда предполагаетъ добро, между тѣмъ какъ добро ни мало не предполагаетъ зла. Вообще, зло не есть какая либо самобытная злая субстанція или сущность, а есть только извращеніе доброй субстанціи или сущности. Зло, какъ и добро, стремится къ Богоуподобленію; ибо это стремленіе глубоко вложено въ самую натуру челоѣка,—но только стремится въ діаметрально-противоположномъ направленіи; ибо тогда какъ добро стремится къ нему въ союзѣ любви съ истиннымъ Богомъ, зло ищетъ его виѣ Бога и вопреки Ему, и—не находитъ! »Ищетъ, но то, чего ищетъ—не тамъ, гдѣ его ищетъ,« говоритъ блаженный Августинъ объ этомъ самолюбіи грѣховномъ, стремящемся быть яко бози, и потомъ, этотъ учитель церкви представляетъ его разнообразныя видоизмѣненія въ слѣдующей выразительной картинѣ: »Высокомѣріе возносится на высоту, тогда какъ Ты единъ, Господи, превознесенъ надъ всѣми. И честолюбіе ищетъ славы и почестей, тогда какъ Тебѣ единому подобаетъ всякая честь и слава во вѣки. Великая сила хочетъ быть страшною, но кто страшенъ, кромѣ единого Бога? И чуждый любви произволъ желаетъ быть любимымъ, но только Твоя любовь любезна. И любовничество принимаетъ на себя видъ любознательности, между тѣмъ Ты все знаешь въ совершенствѣ. Самое невѣжество и глупость прикрываются именемъ простодушія и невинности; однако же простодушіе и невинность только въ Тебѣ находятся. И лѣность стремится къ покою, но гдѣ покой, кромѣ Господа? И расточительная роскошь желаетъ называть себя избыткомъ и довольствомъ, но только въ Тебѣ вся полнота и неисчерпаемый источникъ неисчерпаемой сладости. И мотовство облачается въ мантию щедрости, но только Ты одинъ всесовершенный Податель всяческихъ благъ. Жадность хочетъ обладать многимъ, а Ты облада-

даешь всѣмъ. Зависть ведетъ борьбу за преимущества, но кто преимущественнѣ Тебя? Гнѣвъ ищетъ мщенія, но кто есть правосудиѣ мстий, развѣ Тебе? Печальный сокрушается объ утратѣ потерянныхъ вещей; ибо онъ хотѣлъ бы, чтобы ни что не было отнято у него; какъ у Тебя ничто не можетъ быть отнято. Такъ душа невѣрная идетъ противъ Тебя, когда уклонилась отъ Тебя; она ищетъ въ Тебя чистоты и праведности, и поелику не находитъ ее въ себѣ, то стремится подражать Тебѣ; по подражаетъ Тебѣ превратно, и подражая, показываетъ, что Ты Создатель всякой натуры, и что невозможно нашей душѣ уклониться отъ Тебя совершенно, что она по самой природѣ своей—христіанка-*

Признавъ сущностью грѣха самолюбіе, какъ противоположность истинной любви, мы легко можемъ убѣдиться теперь при помощи самопознания и въ его всеобщности въ человѣческомъ родѣ. Эгоизмъ или самолюбіе такъ обыкновенны, такъ неоспоримо всеобщы между людьми, что самая эта всеобщность ихъ и служитъ причиною того, что многіе отрицаютъ грѣховность самолюбія, считая его дѣломъ естественнымъ, изначала сроднымъ человѣческой натурѣ. Такъ, въ новѣйшее время многими было оспариваемо ученіе церкви о первородномъ или живущемъ грѣхѣ; но несмотря на эти различія и измѣненія мнѣній человѣческая натура тѣмъ неменѣе однакожъ остается неизмѣнною, и какъ истинныя, такъ и ложныя ученія признаютъ ее такою же, какова она есть, только *оцѣниваютъ* ее различно. Въ самомъ дѣлѣ, какой мыслящій человѣкъ можетъ не видѣть, что для человѣка, въ пылѣннемъ его состояніи, не любовь къ Богу и ближнему составляетъ основную силу и основное стремленіе бытія, а эгоизмъ—съ его стремленіями и дѣлами, съ многочисленными склонностями и страстями, отъ самой юности обнаруживающійся въ душѣ его. Каждого застав-

*

ляетъ сознаться въ этомъ вопіющій голосъ опыта, такъ что для насъ нѣтъ нужды прибѣгать въ этомъ отношеніи и къ свидѣтельству слова Божія. Но не таково то естественное мудрованіе, которое отрицаетъ грѣховность, ненормальность этого состоянія, считая его естественнымъ, натуральнымъ. Оно опирается именно на всеобщность этого состоянія, и такъ какъ всеобщность неоспорима, то и заключаетъ отсюда, что слѣдовательно оно натурально и не грѣховно. Но пусть будетъ оно натурально и не грѣховно въ смыслѣ всеобщности, т. е. такъ глубоко свойственно, такъ естественно для человѣка, что ни одинъ человѣкъ не бываетъ чуждъ этого состоянія. Дѣлю въ томъ, что ни эта натуральность, ни эта всеобщность его не даютъ права отвергать его грѣховность. Мы ясно видимъ, что это состояніе есть ненормальность по своему существу, и слѣдовательно мы должны судить объ немъ не по типу нынѣшней ненармальной натуры; а напротивъ эту ненормальную натуру должны поставить въ отношеніе къ нормальной и нынѣшній образъ настоящаго человѣка измѣрять и оцѣнивать по его первообразу, какъ онъ представляется намъ въ словѣ Божіемъ.

Любовь, какъ мы видѣли, есть Божественное начало, уподобляющее человѣка Богу. Внутренняя жизнь наша находится въ нормальномъ состояніи только тогда, когда мы любимъ Бога всѣмъ сердцемъ, всею душою и всею мыслию своею. Вся жизнь наша должна быть проникнута любовію; любовь должна быть основною добродѣтелію, заключающею въ себѣ и раждающею изъ себя всѣ частные виды добродѣтели и отпечатлѣвающую божественнымъ характеромъ всѣ степени и всѣ направленія жизни. Теперь, этой всеобъемлющей натурѣ любви составляетъ противоположность—самолюбіе, и какъ та дѣлаетъ всю жизнь нормальной, такъ это—всю жизнь не нормальной. Любовь имѣетъ мѣсто въ средоточномъ пунктѣ существа человѣческаго, въ сердцѣ, въ личности; равнымъ образомъ и самолюбіе гнѣздится

тамъ же, въ центрѣ нашей самости, и оттуда проникаетъ своими темными лучами чрезъ всю область человѣческой натуры. Если эта самость подчинилась нѣкогда самолюбію, то очевидно, что человѣкъ уже не безъ грѣха, какъ очевидно то, что онъ не безъ самости. Грѣхъ не есть нѣчто фактическое, внѣшнее по отношенію къ намъ, но есть наша личная принадлежность; я не только имѣю и совершаю грѣхъ, но, я есмь грѣшникъ; и это грѣховное я — мы сами; грѣховно собственно наше лице, а потому — и все его бытіе. Если подверженъ недостатку какой либо членъ тѣла, то онъ недостаточенъ не только во всей своей дѣятельности, но недостаточенъ постоянно, недостаточенъ и тогда, когда ничего не дѣлаетъ и находится въ покоѣ. Такъ и человѣкъ, если внутреннѣйшее существо его хотя разъ прониклось грѣхомъ, становится грѣховнымъ не временно только въ томъ или другомъ дѣлѣ и опущеніи, но постоянно во всей своей дѣятельности, какъ дѣятельности испорченной. Поэтому, слишкомъ поверхностно судять о правственности тѣхъ, которые поставляютъ добро только въ *добрыхъ дѣлахъ* или поступкахъ, и зло только въ злыхъ дѣлахъ и слѣдовательно не признаютъ добра и зла какъ внутренняго *бытія*, какъ постоянно пребывающаго основанія добраго или злаго *поведенія*. Худое дерево, какъ и доброе, приноситъ плоды въ свое время; но оно худое не тогда только, когда произращаетъ худые плоды, но во всякое время, даже и тогда, когда оно будучи только пробивающимся росткомъ, еще не способно приносить плодовъ. Равнымъ образомъ самолюбивость и грѣховность составляютъ въ человѣкѣ *не слабость* только, не безсиліе его для доброй дѣятельности, въ слѣдствіе котораго онъ не можетъ якобы обнаружить въ дѣятельности своихъ высшихъ силъ, но гораздо скорѣе, онѣ составляютъ извращеніе самого внутреннѣйшаго начала нашего бытія, ложное направленіе всѣхъ его силъ, изъ коихъ каждая бываетъ сколько грѣшника, столько же и эгоистична, коль скоро проникнута эгоизмомъ

наша внутренняя личность. По истинѣ, какъ любовь пребываетъ во внутреннѣйшихъ, высшихъ силахъ человѣческаго существа, такъ наоборотъ и грѣхъ съ своимъ мертвящимъ и дѣйствующимъ характеромъ живетъ въ этихъ же самыхъ силахъ, и какъ любовь не есть только добродѣтель относящаяся къ личности, а есть самая эта добрая, любящая личность, такъ и самолюбіе не есть только грѣховный объектъ, внѣшнимъ образомъ относящійся къ человѣку, а есть самый грѣховный субъектъ.

Такимъ образомъ, всеобщность грѣха, на которой мы здѣсь остановимся, состоитъ не только въ широкомъ, повсюдномъ его распространеніи, по которому все люди (*omnes homines*) грѣшатъ, но и въ этомъ именно глубокомъ его проникновеніи во всю натуру всякаго грѣшнаго человѣка (*omnis hominis*). Это сколько всеобщее, столько же и глубокое господство грѣха не можетъ быть подвержено ни малѣйшему сомнѣнію: самый легкомысленный взглядъ не отрицаетъ, что каждый человѣкъ имѣетъ свои недостатки и слабости, и что какъ кровавая исторія цѣлаго міра, такъ и тихая жизнь каждого частнаго человѣка ясно доказываетъ, что все согрѣшили и все грѣшатъ самымъ разнороднымъ образомъ. Безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ ошибокъ, въ которыхъ все люди берутъ свою долю, служить неопровержимѣйшимъ доказательствомъ того, что въ цѣлой натурѣ человѣка неосталось чистаго незараженнаго мѣста, такъ что становится непонятнымъ, какимъ образомъ все люди, находясь нѣкогда въ безразличномъ равновѣсіи между добромъ и зломъ, могли уклониться на одну лѣвую сторону. Отъ того-то многіе и убѣждены, что человѣкъ имѣетъ врожденную *склонность* ко злу: такъ на пр. знаменитый Кантъ, при всей самодостаточности своей морали, допускалъ какое-то радикальное зло въ человѣкѣ. Но спрашивается: что же это такое и откуда такая склонность? Она не можетъ вытекать изъ первоначальнаго несоотвѣстія

духовной и тѣлесной природы человѣка; ибо Богъ не могъ создать нестроинное созданіе; она не есть произведенная Богомъ чувственная или духовная наклонность человѣческаго существа; ибо Богъ *нѣсть искуситель злымъ* (Іак. 1, 13), и чистыя наклонности человѣческаго сердца все устремляются въ Нему въ любви. Такая склонность къ злу есть уклоненіе отъ добра, отъ Бога, недостатокъ любви къ Богу и господствующая наклонность человѣка къ себѣ самому, желаніе его независѣть отъ воли Божіей, а зависѣть только отъ своей собственной. Короче, это нечто иное какъ уже признанное нами за корень всякаго зла—самолюбіе. Послѣ всего этого утверждать, что будто самолюбіе, гнѣздящееся въ центрѣ нашего бытія, дѣйствуетъ только на одну часть, на одну сторону человѣческой природы, оставляя неприкосновенными прочія, утверждать такимъ образомъ можетъ только тотъ, кто вообще представляетъ природу человѣка составленною изъ отдѣльныхъ частицъ. Гораздо вѣрнѣе думать, что какъ *малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ*, такъ и квасъ самолюбія проникаетъ чрезъ все сферы человѣческой жизни и дѣлаетъ ихъ грѣховными или болѣзненными, не дѣлая впрочемъ злою самой субстанціи жизни или сущности его природы. Имѣющій худые глаза не золь самъ въ себѣ отъ того, что имѣетъ такіе глаза; онъ можетъ быть добръ; только эта самая болѣзненность, эта слабость глазъ есть зло; но поелику она не относится къ самому существу глаза, то глазъ можетъ быть исцѣленъ и снова сдѣлаться здоровымъ. Если человѣкъ боленъ, такъ зло то, что онъ боленъ, а не то, что онъ человѣкъ, созданный Богомъ. Не мысли, желанія, чувствованія и дѣла грѣшнаго человѣка грѣховны, но грѣховно только самолюбіе, которое въ нихъ дѣйствуетъ. Оно дѣлаетъ мысль неистинною, волю корыстною, или, оно допускаетъ сердцу оставаться пустымъ и холоднымъ, волю неисполнительною и опустительною, оно дѣлаетъ все поступки и дѣйствія человѣка не-

достаточными и неправыми; ибо, что дѣлается не по чувству совершенной любви, то хотя бы даже было и сообразно съ закономъ, составляетъ несовершенство, недостатокъ; а всякій недостатокъ, всякое опущеніе есть грѣхъ (*in quod minus est, quam debebat, vitium est*). Мы не отнимаемъ у похвальныхъ дѣлъ язычниковъ заслуженной ими славы, но, что говоритъ апостолъ объ отцѣ вѣрующихъ, то должны мы относить еще болѣе и къ язычникамъ, и къ іудеямъ, и къ магометанамъ: *еще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу, но не у Бога*. Предъ судомъ Божиимъ всякая человѣческая праведность, и самая славная, недостаточка и неправда; и въ самыхъ избранныхъ своихъ Онъ находитъ нечистый остатокъ скрытнаго самолюбія: *еда чистъ будетъ человекъ предъ Богомъ; никто же, еще и единъ день житія его на земли* (Іов. 4, 18; 14, 14); *все бо соприимша и лишени суть славы Божіей* (Рим. 3, 23). Кто недолженъ сказать емѣстѣ съ великимъ апостоломъ: *ни чесо же въ себѣ свѣмъ; но ни о семъ оправдаюся: востязуяй же мя Господь есть,.... иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы и объявитъ сокрытыя сердечныя* (1 Кор. 4, 4 и 5).

Всеобщность грѣха состоитъ далѣе въ томъ, что онъ объемлетъ какъ жизнь всѣхъ людей *въ совокупности*, такъ и все продолженіе ея въ *последовательномъ развитіи*. Что грѣхъ размножается въ преемственномъ ходѣ исторіи изъ рода въ родъ, въ этомъ убѣждались и язычники, объ этомъ свидѣлствуютъ и сами легкомысленные ихъ поэты: »негодный вѣкъ родителей сдѣлалъ насъ еще негоднѣе, готовыхъ произвести отъ себя еще негоднѣйшее потомство,« говорятъ одинъ изъ нихъ. Что грѣхъ рождается отъ грѣха, это понятно для всякаго, кто только знаетъ, что такое грѣхъ и какъ относится онъ къ постоянно развивающейся изъ себя самой жизни. Частные, актуальные грѣхи рождаются изъ источника живущей грѣховной похоти, которая возбуждается чрезъ прельщеніе (Іак. 1, 14 и др.) и будучи

возбуждена, сама производит опять похоть и прельщеніе и такимъ образомъ развивается въ безконечный рядъ новыхъ грѣховъ. И съ какого бы пункта мы ни посмотрѣли на исторію грѣха въ жизни ли цѣлаго человѣчества, или частнаго человѣка, мы можемъ провести непрерывную грѣховную нить и назадъ и впередъ. Если грѣхъ обитаетъ въ средоточномъ пунктѣ человѣческаго существа—въ нашемъ я, или нашей самости, то очевидно, грѣховное самолюбіе должно оставаться постояннымъ при всѣхъ различіяхъ жизни, при всѣхъ постепенныхъ повышеніяхъ ея и пониженіяхъ, при всѣхъ состояніяхъ ея и обстоятельствахъ, и должно быть замѣтно для насъ среди всѣхъ варіацій, среди всѣхъ противоположныхъ обнаруженій ветхой грѣховной жизни. Вмѣстѣ съ раскрытіемъ самосознающаго я замѣтно начинаетъ обнаруживаться и эгоизмъ съ своими страстями, такъ, что явно можно видѣть, что онъ не отъиѣ приходитъ къ этому—я, а скорѣе выходитъ изъ него самого и слѣдовательно бываетъ сокрытъ въ немъ и тогда, когда оно еще было сокрыто. Словомъ вся жизнь человѣка съ самаго начала своего и чрезъ всѣ степени своего развитія сопровождается вмѣстѣ съ нею развивающимся самолюбіемъ. Въ зараждающейся жизни и оно бываетъ только зародышемъ; но съ развитіемъ жизни и этотъ зародышъ постепенно развивается со всѣми своими прочими силами. Въ дѣтяхъ этотъ зародышъ малъ, какъ и они сами, и потому не обнаруживается въ нихъ большими актуальными грѣхами, отчего имъ и приписывается относительная невинность въ сравненіи съ возрастными. Если теперь возводить начало грѣховъ индивидуума къ началу его жизни, заимствованной имъ отъ родителей, такъ мы должны сказать, что вмѣстѣ съ этою личною жизнію оттуда же заимствуется и живущее въ личности самолюбіе, и, что какъ сама жизнь, такъ и оно *настѣдственно*. Ибо, какъ никто не отрицаетъ, что тѣлесная жизнь не создается непосредственно Богомъ, но переходитъ и

передается въ наслѣдство дѣтямъ отъ родителей, такъ ничто не отвергаетъ и того, что дѣти наслѣдуютъ не мертвое, но живое, одушевленное тѣло. Мы не можемъ рѣшить того, передаются ли особенныя духовныя дарованія, въ которыхъ родители и дѣти часто бываютъ несходны, или они непосредственно возидаются,—что впрочемъ вѣрогнѣе, но, что касается начала личности, которая при всемъ различіи дарованій одинакова у всѣхъ людей, какъ индивидуумовъ или экземпляровъ одного и того же рода, то мы имѣемъ полное право утверждать, что оно передается и размножается вмѣстѣ съ живымъ, одушевленнымъ (*ψυχικος*) тѣломъ; въ противномъ случаѣ мы должны были бы признать антропологию механическаго исторіанизма, вообще впастъ въ ложный дуализмъ. Происхожденіе и рожденіе по своему понятію есть ничто иное, какъ новая индивидуализація или персонификація рода; размноженіе людей есть ничто иное, какъ продолженное образованіе личностей человѣческихъ, и слѣдовательно вмѣстѣ съ этимъ распространеніемъ личностей получаетъ бытіе и самость и соединенное съ нею самолюбіе (Ис. 51. 7).

На этой то преемственной передачѣ грѣховнаго состоянія и утверждаются между прочимъ тѣ, которые, производя зло изъ чувственности, считаютъ его естественнымъ, натуральнымъ, и потому невиннымъ. Признавая распространеніе грѣха путемъ естественнымъ и видя его всеобщность и глубокое проникновеніе въ натуру человѣка, они заключаютъ, что грѣхъ слѣдовательно свойственъ самой натурѣ человѣка и происходитъ изъ самой ея сущности. Мы должны сказать на это, что нѣкоторыя положенія здѣсь вѣрны, но выводы изъ нихъ совершенно ложны. Зло отнюдь не есть что либо врожденное изъ начала, свойственное самой сущности созданной отъ Бога природы человѣка.

Богъ, Который есть совершеннѣйшая любовь, очевидно не могъ вопреки Себѣ Самому создать людей самолюбивыми, и Онъ создалъ ихъ не вопреки Своему образу, но сообразными съ Нимъ, создалъ по любви и для любви. Если теперь, не смотря на это, господствуетъ самолюбіе въ человѣческой натурѣ, то очевидно, оно не изъ ней развилось, какъ противоположность любви, а привзошло въ насъ, какъ актъ человѣческой воли, и если любовь есть союзъ души съ Богомъ, то этотъ актъ долженъ быть расторгненіемъ этого союза, отпаденіемъ отъ Бога, непослушаніемъ Его волѣ. При такомъ взглядѣ на это дѣло, не только несправедливо объяснять происхожденіе зла указаннымъ способомъ, именно, будто оно происходитъ изъ самой природы человѣка, какъ врожденное ей, вложенное въ нее изначала, но и вообще негѣбно объяснять *происхожденіе* зла какими бы то ни было путемъ. Зло не имѣетъ *происхожденія*; оно имѣетъ только начало; какъ міръ не возникъ изъ естественныхъ причинъ, но получилъ начало въ слѣдствіе свободной воли Создателя, такъ и зло не имѣетъ въ мірѣ какихъ либо естественныхъ причинъ своего мнимаго происхожденія; оно началось въ свободной волѣ твари. Происхожденіе предполагаетъ причину, эта причина предполагаетъ дальнѣйшую, и такъ далѣе; такъ что отыскивая происхожденіе зла мы должны будемъ возвести его къ первоначальному основанію всего сущаго—Богу. А между тѣмъ зло не имѣетъ реальнаго основанія, изъ котораго бы оно вытекало какъ слѣдствіе; паденіе прародителей не есть слѣдствіе, но начало грѣха, и притомъ начало безъ причины; *nam defectionis ratio sufficiens deficit*. Зло неразумно и потому не имѣетъ разумнаго, достаточнаго основанія. Кто не признастъ такимъ образомъ начала зла, какъ свободного, произвольнаго акта воли, какъ фактическаго отпаденія отъ Бога, тотъ не признаетъ вмѣстѣ съ этимъ и отпаденія отъ Бога паденіемъ изъ первоначально-добраго состоянія въ противополо-

ложное, тотъ не признаетъ и силы грѣха разрушеніемъ божественнаго порядка, непормальностію и противоестественностію; такому человѣку онъ представляется только отрицательнымъ несовершенствомъ, или необходимымъ ограниченіемъ конечности, или, наконецъ, естественною ступенію развитія. Словомъ фактическая дѣйствительность первобытнаго состоянія человѣка и потеря этого состоянія чрезъ грѣхъ имѣетъ столь великую нравственную важность, что кто отрицаетъ ее, тотъ допускаетъ не одно только не вѣрное представленіе исторіи, но существенно измѣняетъ все христіанское ученіе о грѣхѣ и праведности, и какъ дѣластъ мнѣюмъ всю священную исторію, такъ обращаетъ въ призракъ и всю сущность христіанской истины.

Грѣхъ не имѣетъ никакого особеннаго начала, но, какъ говорятъ, свойственъ самой натурѣ человѣка и неотдѣлимъ отъ нея — причеиъ онъ уже будетъ не грѣхъ, а самая натура, — или же онъ имѣетъ начало, какъ фактическое отпаденіе отъ Бога, какъ возстаніе произвола твари противъ Его воли, какъ самолюбіе. Это фактическое, историческое начало грѣха, свидѣтельствуемъ о томъ, что грѣхъ не возникъ изъ самой природы, или вмѣстѣ съ натурою человѣка, а внесенъ въ нее свободно его волею, и есть тотъ существенный пунктъ въ понятіи грѣха, котораго совершенно не понимаютъ тѣ, которые, считая исторію паденія за дѣтскую мечту, имѣютъ по этому самому совершенно иное понятіе с грѣхѣ, нежели какое представляетъ намъ слово Божіе. Фактъ, представляемый словомъ Божіимъ какъ начало грѣха въ человѣческомъ родѣ, есть преступленіе главнѣйшей изъ всѣхъ заповѣдей, заповѣди послушанія Господу. Всѣ божественныя заповѣди суть только развитіе одной первой заповѣди закона Вожія: *Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози инии развѣ Мене*. Эта же первая заповѣдь была возвѣщена и прародителямъ, когда Господь сказалъ: *отъ всякаго древа, еже въ раи, смѣдию съести, отъ древа*

же, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него. Дозволеніемъ—пользоваться всѣми райскими плодами Господь указалъ человѣку предѣлы его земнаго господства и владычества, а запрещеніемъ вкушать отъ одного рвѣскаго древа Онъ ввелъ его въ границы послушанія и служенія Себѣ, какъ единому Владыкѣ Его и Господу. Такимъ образомъ эта заповѣдь не была какимъ либо произвольнымъ, безпричиннымъ дѣломъ со стороны Бога, но чрезъ различіе деревъ сада, который человѣкъ долженъ былъ воздѣлывать, она опредѣляла его земное и небесное, указывала его зависимость отъ единаго истиннаго Бога и предостерегала отъ служенія своей собственной волѣ, отъ служенія своимъ—инымъ богамъ. Поэтому говорить, что было бы лучше, если бы не было этой святой заповѣди, преступленіемъ которой вошелъ грѣхъ въ міръ, значить тоже, что говорить: лучше было бы, если бы не было церкви, не было никакого закона, никакого ограниченія, и вмѣстѣ съ этимъ не было бы преступленія. Неограниченіе и беззаконіе есть величайшее зло. Святое ограниченіе столь же существенно относится къ области человѣческой жизни, какъ существенно человѣкъ связанъ съ небомъ и предназначенъ къ религіозному бытію. Безъ связующаго, правящаго начала откровенной истины, онъ былъ бы преданъ блужденію, онъ потерялся бы въ областяхъ своего бытія и уклонился бы въ темную бездну невѣденія. Поэтому, чтобы соединить человѣка съ Собою и укрѣпить его въ этомъ союзѣ, Господь даетъ ему заповѣдь, которая бы свидѣтельствовала о его послушаніи и любви и постепенно укрѣпляла и возвышала его любовь. Такимъ образомъ не степени усовершенствованія въ любви, которыя указалъ Богъ человѣку, и по которымъ долженъ былъ восходить сей послѣдній, составляютъ его вину или грѣхъ, но его невѣрный шагъ на пути къ этому совершенству, или лучше сказать, невѣрность заповѣди, которая тѣмъ въ большее послужила ему осужденіе,

чѣмъ большее блаженство долженствовала принести ему, если бы онъ остался ей вѣренъ. *Сотворивый та (законъ) жизнь будетъ въ нихъ*, говоритъ апостолъ (Гал. 3, 12); следовательно не сотворивый его долженъ умереть.

Сомнѣніемъ въ истинѣ словъ Господа и Его заповѣди началось первое грѣховное поползновеніе къ паденію. Истина слова Божія признается и сохраняется только духомъ, слѣдовательно духъ же и подвергается се сомнѣнію и отрицанію. *Что яко рече Богъ* (Быт. 3, 1)?—Такой сомнительный вопросъ по отношенію къ Богу приписывать естественному змію было бы конечно дѣломъ болѣе чѣмъ сказочнымъ; поэтому церковь всегда относила его къ духовному существу—дьяволу. Испытаемый человѣкъ противопоставляетъ этому искустельному сомнѣнію простое и прямое утвержденіе истины словъ Божіихъ, и еще остается безъ грѣха, и пребывая въ истинѣ, можетъ и навсегда остаться безъ грѣха и укрѣпиться въ праведности. Но змій отвѣчаетъ на это утвержденіе отрицаніемъ и заподозриваетъ самую любовь Божію, общаетъ человѣку освобожденіе отъ ига заповѣди или самозаконную независимость высшаго богоподобія; и человѣкъ, — котораго воля уже пошатнулась отъ искушенія, склоняется къ обманчивой лжи, начинаетъ недоувѣрять любви Божіей, и, какъ скоро истинная любовь отступаетъ отъ его самолюбиваго вождѣнія, онъ увлекается запрещеннымъ плодомъ и—падаетъ! *Похоть плоти, похоть очей и гордость житейская* возбуждаются въ падшей душѣ и преступленіе ограниченія, какъ дѣло непослушанія, лишаетъ ее прежней святости. Вмѣстѣ съ этимъ человѣческая личность, расторгши святой союзъ любви и единеніе съ Богомъ, отдѣляется отъ Него и становится противоположною Ему. А милосердый Господь противопоставляетъ съ Своей стороны этой противоположности законъ Своей Божественной воли, исправ-

ляющей и наказующей человѣка. Эта противоположность тотчасъ же является въ сознаніи падшаго сознаніемъ своей вины и лишаетъ его прежняго мира, прежняго блаженства: мучительный стыдъ и страхъ заступаютъ мѣсто прежней дѣтской любви (Быт. 3, 8); какъ душа падшаго отказалась отъ послушанія Богу, такъ теперь отказывается отъ послушанія души собственное его тѣло; обнаруживается нестройный беспорядокъ, въ которомъ низшее не подчиняется высшему; человѣческая натура лишается своего владычественнаго средоточнаго пункта и поэтому самолюбіе проникаетъ во всѣ ея члены и изглаживаетъ прекрасныя черты богоподобія въ человѣкѣ. Возстаніе противъ Бога, выразившееся въ преступленіи Его заповѣди, заражаетъ грѣхомъ и разстроиваетъ всю природу человѣка, и человѣкъ столь же глубоко погружается въ бездну паденія, сколько высоко прежде стоялъ на высотѣ невинности. Конечно не вдругъ вся невинность переходитъ въ свою противоположность, самолюбіе еще только имѣетъ развиваться на мѣстѣ любви, но чрезъ отпаденіе отъ любви Божіей оно возникло уже и будетъ развиваться съ неусдержимою быстротою. Къ его умѣренію и обузданію являются разные виды золь, печалей и скорбей и наконецъ смерть, подъ которою воздыхаетъ человѣчество и доселѣ. Рай сладости, который сначала соответствовалъ первоначальной невинности человѣка, какъ своего владыки, теперь потерялъ это соответствіе. Дальнѣйшее наслажденіе райскимъ счастіемъ сдѣлалось бы для самолюбія уже не источникомъ блаженства, а только выгоднымъ, корыстнымъ и потому порочнымъ. Поэтому, кто не устоялъ въ любви, тотъ отпалъ отъ Бога, а вмѣстѣ съ этимъ долженъ былъ изпасть и изъ рая. Такимъ образомъ паденіе человѣка состояло въ томъ, что онъ не остался въ любви, но предался самолюбію.

который по своей всеобщности проникает все человечество и питается самъ собою въ теченіи вѣковъ. Впрочемъ какъ несправедливо было бы признавать только одно внутреннее распространіе грѣха, такъ еще болѣе ложно было бы признавать и одно внѣшнее, напр. чрезъ дурныя примѣры и нравы. Вообще тотъ имѣетъ очень поверхностный взглядъ на сущность грѣха, кто не признаетъ его постоянной, живущей сущности, обнаруживающейся въ частныхъ внѣшнихъ грѣховныхъ дѣйствіяхъ, которыя могутъ служить заразительнымъ примѣромъ для подражанія, тогда какъ тотъ внутренній грѣхъ совсѣмъ не можетъ быть дѣломъ подражанія. Заразительная сила дурныхъ примѣровъ, недостаточнаго воспитанія, бѣдственныхъ обстоятельствъ и пагубныхъ привычекъ есть не что иное, какъ слѣдствіе того же внутренняго грѣха, относящееся къ самолюбивой человѣческой личности; такъ что при господствѣ этого темнаго, внутри живущаго грѣха, можетъ быть, и совѣршенно изолированное воспитаніе произвело бы только темное, высокоумѣнное и необщительное существо. Отъ этого-то и происходитъ, что хотя нѣкоторые родители и окружаютъ своихъ дѣтей всѣми доказательствами любви и благими примѣрами въ дѣтствѣ, однако же самолюбіе все таки обнаруживаетъ въ нихъ свою силу;—ясное доказательство, что оно живетъ внутри ихъ природы и что по-этому жестоко ошибается то воспитаніе, которое не признаетъ наслѣдственной порчи.

Обвинять чувственную природу въ грѣхѣ, или развитіе чувственности упреждающее развитіе разума, значить сваливать

вину на Бога, значить не признавать духовной природы зла и самолюбія, свойственнаго высшимъ силамъ духа, и забывать, что нѣкоторые грѣхи при всей силѣ чувственности, развиваются только съ полнымъ развитіемъ высшихъ духовныхъ силъ, наприм. произволъ и честолюбіе въ юности, властолюбіе и любостяжаніе въ мужескомъ возрастѣ и т. под. Если Господь уготовляетъ своимъ чадамъ небесное царствіе, то дѣлаетъ это не въ слѣдствіе ихъ заслугъ, но въ слѣдствіе Своей собственной милости, которой они тѣмъ болѣе достойны, чѣмъ менѣе притязательны и самонадѣянны. Неопровержимо истинно Его слово: *рожденное отъ плоти плоть есть; аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. 3, 3-7). Тысячи людей рождаются, но всѣ рожденные только двухъ родовъ: одни—рожденные отъ плоти Адама, другіе—рожденные отъ Духа Христова. Милліоны людей являются въ мірѣ; но всѣ они суть потомки только двухъ оригинальныхъ лицъ, Адама и Христа: тотъ есть глава грѣшныхъ, плотскихъ людей; этотъ глава освященныхъ, духовныхъ, и какова глава, таковы и члены, какъ здѣсь, такъ и тамъ: *единымъ человекомъ грѣхъ въ мірѣ вниде, и единаго прегрѣшеніемъ во вся чело-вѣки вниде осужденіе: единаго оправданіемъ во вся чело-вѣки вниде оправданіе жизни* (Римл. 5, 12, 18). Противный этому образъ возрѣнія на чело-вѣчество, какъ на сумму, какъ на агрегатъ милліоновъ людей, ничѣмъ не связанныхъ между собою, есть прямой плодъ самолюбія, все изолирующаго, и совершенно противорѣчитъ возрѣнію слова Божія, которое какъ все чело-вѣчество возводитъ къ Адаму или Христу, такъ и всѣ частные народы производитъ отъ однихъ прародителей

— 698 —

взираетъ на всѣ народы какъ на размножающуюся въ безчисленномъ множествѣ индивидуумовъ личность Адама и личность Христа. Такова всеобщность грѣха, исходящая отъ одного начального, личного средоточія и объемлющая всю безконечную бласть распространеннаго личного бытія.

Елпидифоръ Барсовъ.

